

100
ЛЕТ

ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Журнал РОССИЙСКОГО ПРАВА

Journal

OF RUSSIAN LAW

- Доктрина правотворчества как квинтэссенция пути в науке
- Интегративное понимание конституционализма
- Правовой статус личности в Российском государстве
- Преступление и его причины: наука и религия
- Суверенное равенство государств как принцип международного права

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Оригинальная статья

УДК 342

DOI: 10.12737/jrp.2023.050

Об интегративном понимании конституционализма

Валерий Васильевич Лазарев

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, lazarev@izak.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0910-0609>

Аннотация. В статье рассматривается узкий, методологически важный, но не исследованный аспект конституционализма, позволяющий оценить его многоаспектно и комплексно — интегративное восприятие конституции и конституционализма. Предлагаются соответствующие определения, устанавливаются связи между системными элементами, даются необходимые характеристики на предмет возможности их практического использования. Автор исходит из того, что конституционализм суть явление права и любая его характеристика зависит от понимания права; конституционализм — явление, производное от понимания конституции, и это один из исходных пунктов его характеристики. Практически как и всякое явление, находящее свое выражение в понятии, конституционализм может рассматриваться узко и широко. Наука не может ограничиваться узким пониманием конституционализма и должна всякий раз определить его прагматическое служение. Конституционализм как идея, а затем как практика развивался из потребности процессуального опосредования организации и деятельности существующей власти. Связать (ограничить) власть — одна из целей, но не единственная и, как оказалось, не самая главная; конституционализм предполагает свободное и творческое осуществление власти — любой, не только государственной.

Интегративное понимание конституционализма обусловлено широким пониманием конституции в тройном аспекте: как реального соотношения политических сил, как представления о необходимой организации власти, как письменного текста. Автор рассматривает конституционализм в свете существующих теорий права. Интегративизм конституционализма отвергает линейный арифметический взгляд. Как государственно-правовой институт конституционализм суть противоречивое единство нормативных и институциональных актов следования легитимному образу конституции.

Ключевые слова: право, конституция, государственное устройство, разделение властей, верховенство закона, демократия, постмодернизм, судебный конституционализм

Для цитирования. Лазарев В. В. Об интегративном понимании конституционализма // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 5. С. 39—53. DOI: 10.12737/jrp.2023.050

Original article

On the Integrative Understanding of Constitutionalism

Valeriy V. Lazarev

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, lazarev@izak.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0910-0609>

Abstract. The article deals with a narrow, methodologically important, but unexplored aspect of constitutionalism, which makes it possible to evaluate its multidimensional and complex integrative perception of the constitution and constitutionalism. Appropriate definitions are proposed, connections between system elements are established, and the necessary characteristics are given for the possibility of their practical use. The author proceeds from the fact that constitutionalism is a phenomenon of law and any of its characteristics depends on the understanding of law; constitutionalism is a

phenomenon derived from the understanding of the constitution, and this is one of the starting points of its characteristics. Practically like any phenomenon that finds its expression in the concept, constitutionalism can be considered narrowly and broadly. Science cannot limit itself to a narrow understanding of constitutionalism and must always define its pragmatic service. Constitutionalism as an idea and then as a practice developed from the need for procedural mediation of the organization and activity of the existing government. To bind (restrict) power is one of the goals, but not the only one and, as it turned out, not the most important one; constitutionalism presupposes the free and creative exercise of power — any, not only state.

The integrative understanding of constitutionalism is conditioned by a broad understanding of the constitution in a threefold aspect: as a real correlation of political forces, as an idea of the necessary organization of power, and as a written text. The author examines constitutionalism in the light of existing theories of law. The integrativism of constitutionalism rejects the linear arithmetic view. As a state-legal institution, constitutionalism is a contradictory unity of normative and institutional acts following the legitimate image of the constitution.

Keywords: law, constitution, state structure, separation of powers, rule of law, democracy, postmodernism, judicial constitutionalism

For citation. Lazarev V. V. On the Integrative Understanding of Constitutionalism. *Journal of Russian Law*, 2023, vol. 27, no. 5, pp. 39—53. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrp.2023.050

В настоящей статье сосредоточим внимание на узком, но методологически важном аспекте конституционализма, позволяющем оценить его многоаспектно и комплексно, — на интегративном его понимании. При этом представляется правильным изначально определять конституционализм как «некое интегральное понятие, которое выполняет в юриспруденции в целом роль высокозначимого системообразующего фактора»¹. Разумеется, означенный аспект конституционализма требует обращения к неким общим позициям в понимании конституции и конституционализма, освещения их места и роли в общественном развитии. Наш методологический посыл состоит в использовании, по возможности, богатого теоретического наследия, не вступая в острую полемику². Современный информационный и коммен-

таторский материал широко представлен в печати и социальных сетях, но и большая наука не обходила стороной конституционное развитие вообще и развитие его в отдельных странах. Содержательный и официальный анализ конституционализма исходит от конституционных, в том числе российских, судей³. Но

¹ Самигуллин М. В. К вопросу о понятии конституционализма. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/21946-voprosu-ponyatii-konstitucionalizma>.

² В понимании исходных позиций остается актуальной задача освобождения «от шор политического и идеологического мнзизма, поиск новых ценностных и методологических подходов» (Хабриева Т. Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. М., 2019. С. 4).

³ В первую очередь назовем работы председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина: Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке: Взгляд с Ильинки. М., 2007; Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд. М., 2008; Зорькин В. Д. Конституция и права человека в XXI веке: к 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. М., 2008; Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. Творческая активность проявлена также Н. С. Бондарем (см.: Бондарь Н. С. Современный российский конституционализм: философское осмысление в свете конституционного правосудия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4; Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 7. М., 2017; Бондарь Н. С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 1. М., 2012; Бондарь Н. С.

они до известной степени связаны в своих оценках служебным положением и законом. Привлекают внимание немногие работы, в которых авторы претендуют на независимость суждений и провоцируют полемику весьма оригинальными суждениями о конституции. Так, в одной из них утверждается: «Конституция — это прежде всего уклад жизни, т. е. такой бестелесный социальный эфир, который нельзя формализовать и навязать обществу сверху, если оно само к этому не готово. Вопрос о создании конституционного государства в России — это не вопрос написания “идеального текста”. Это вопрос подготовки и осуществления самой глубокой нравственной, социальной и, как следствие, политической революции, прежде всего в умах и в делах миллионов людей. Конституция вообще — синоним революции. Революции не в смысле политического переворота — это историческая частность, которая может присутствовать, но может и отсутствовать, — а в смысле переворота всего привычного образа жизни, всего, что составляет основу традиционного мышления и поведения человека, которые в России принято называть “понятиями”»⁴. И далее положение, которое служит мне в обоснование актуальности предлагаемой статьи: «В России главная проблема — это пробел конституционной мысли, и его устранение является стратегической задачей русского конституционализма. Конституция

Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. М., 2021). Много оригинальных мыслей о конституционализме содержится в трудах В. А. Туманова и М. В. Баглая, в разное время исполнявших председательские функции в Конституционном Суде РФ (см., например: *Баглай М. В., Туманов В. А.* Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998).

⁴ *Пастухов В. Б.* Революция и конституция в посткоммунистической России. Государство диктатуры люмпен-пролетариата. М., 2018. С. 201.

работает лишь там, где имеется соответствующий общественный запрос и где сформировалась конституционная потребность»⁵.

В 2020 г. мы наблюдали всплеск общественного интереса к конституционному реформированию и удовлетворение общественного запроса в решении ряда конституционных вопросов. Но конституционная мысль еще не удовлетворяет стратегическим целям развития России. Необходимы поэтапные шаги в достижении осязаемых творческих результатов и прежде всего в понимании всеобъемлющей характеристики явления конституционализма, включая международный ракурс⁶.

Итак, конституционализм — понятие многоаспектное. Оно, как представляется, охватывает *все, что связано с воплощением в жизнь конституции, понимаемой в самых разных значениях*. Вопросы принятия конституций и совершенствования текстов конституций становятся актуальными только время от времени, а вопросы конституционализма актуальны всегда. Они включают знания того, как осуществлять власть, какие методы и средства в механизме власти запустить или (и) ограничить в интересах права и основного закона. Эти знания в науке сложились как философские, исторические, социально-политические, нравственные и собственно юридические. Их реализация дает целостную политико-правовую систему отношений между людьми, их общностями и органами.

⁵ Там же. С. 223.

⁶ Имеется в виду оценка идеи глобального конституционализма как инструмента разрешения противоречий глобализации — всемирной интеграции и региональной дезинтеграции (см.: *Медушевский А. Н.* Глобальный конституционализм — теория нового мирового правового порядка или новая политическая идеология? // *Historia Provinciae — Журнал региональной истории.* 2020. Т. 4. № 3. С. 974—1019).

Конституционализм правильно относят к сфере должного: если есть определенная данность, определенные знания, то их реализация требует определенного поведения, выполнения соответствующих требований. Поэтому правы те, кто различает неразрывно связанные понятия конституции и конституционализма. Конституционализм предметно выходит за рамки конституции, как бы широко она ни понималась. Он рождается непосредственно в жизни первоначально на уровне политико-правового сознания и политико-правовых ценностей⁷, выливающих впоследствии в конституционные нормы, материализуется в институции и правовые отношения, образуя широкую конституционную практику. Широко понимаемый конституционализм — это требование самоограничения к себе и требование ограничения в поступках к другим, распространенное на всех, кто обладает той или другой властью.

Как целостная система конституционализм имеет научные, идеологические и организационные основы. Для юриста первостепенное значение приобретают нормативно-правовые основы конституционализма, которые принято закреплять в основном законе государства — писаной конституции.

Конституционализм — социальный продукт и в большей степени

⁷ Конституционализм ведет начало от древнегреческих конституций, действовавших за несколько столетий до нашей эры, о которых известно лишь из работ Аристотеля. Современный конституционализм связан с первыми конституционными актами Северной Америки 70—80-х гг. XVIII в. Термин «конституционализм», по мнению Г. Дж. Бермана, был введен в научный оборот в конце XVIII — начале XIX в. для обозначения главным образом американской доктрины верховенства писаной конституции над обычными законами. По содержанию конституционализм — это конституционное строительство, реализация конституции и ее охрана, обеспечение.

продукт политический. Однако конституционализм — явление права, и от того, как понимается право, зависят содержательная и любая другая его характеристика. Конституционализм — явление производное от понимания конституции, и, следовательно, понятие конституции — один из исходных пунктов характеристики конституционализма. Интегративный подход к конституционализму предполагает философский ракурс⁸. Можно согласиться с В. Г. Графским, которому философия конституционализма представлялась «в виде некоей упорядоченной совокупности философских правовых понятий и идей, а также вполне определенных правовых принципов, правил и учреждений, которые мы можем использовать для более комплексной характеристики устройства того или иного государства, пребывающего в определенной правовой культуре, в частности, в определенной политико-правовой традиции властвования на началах законности и справедливости»⁹.

На первую и главенствующую в характеристике конституцио-

⁸ См.: Философия права и конституционализм (материалы четвертых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца. Москва, 2 октября 2009 г.). М., 2010. Чтения предлагалось именовать «философией конституционализма» (В. И. Крусс) с постановкой фундаментальных онтологических и этических философских вопросов, включая проблему человечности и человеческой идентичности (А. В. Бориев), а наиболее адекватной характеристикой конституционализма предлагалось считать его восприятие как «системы институциональных гарантий прав человека» (Н. В. Варламова).

⁹ Графский В. Г. Конституция и конституционализм в междисциплинарном восприятии (история и современность) // Философия права и конституционализм (материалы четвертых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца. Москва, 2 октября 2009 г.). М., 2010. С. 19—20.

нализма роль могла бы претендовать естественно-правовая теория права. Она все явления связывает с природной (естественной) справедливостью, отдает дань таким ценностям, как равенство и свобода, и при соответствующей интерпретации последних вполне может требовать надлежащей организации власти, ограничения ее, определения естественных пределов реализации ее возможностей. Конституция здесь может рассматриваться как проявление известной «природы вещей», уводящей к природе человека, природе общества. Однако естественно-правовая аргументация в историческом развитии постепенно утрачивала привлекательность классического варианта (уступая в этой части моральным позициям), выливаясь в иные самостоятельные теории.

На это последнее замечание может последовать возражение со стороны приверженцев теологического варианта естественно-правовой теории. Они резонно могут указывать на значение религиозных интерпретаций права в христианском мире и особенно на их распространение и силу в мире мусульманском. Нет необходимости доказывать, что в некоторых обществах религиозные тексты претендуют на роль конституционных и могут превосходить в этой роли тексты писаных государствам конституций.

Не согласаясь с утратой значения естественно-правовых взглядов и те, кто во главу угла поставил гарантии прав человека, кто связывает реализацию прав с разделением властей, с независимостью правосудия и другими либеральными ценностями. *Конституционализм в свете естественно-правового подхода охватывает всю деятельность земной власти по претворению природной справедливости.* Здесь, как не трудно заметить, возникает масса существенных вопросов о власти, о справедливости, о моральных и политических императивах челове-

ской жизни, которые получили интерпретации серьезных исследователей, но постоянно нуждаются в осмыслении в свете нового исторического опыта.

Сегодня наиболее распространенным пониманием права следует признать легистское или, несколько шире, нормативистское понимание, когда право связывается с изданием законов или определенных нормативных актов. Отсюда мы видим конституцию в качестве основного закона или (и) в совокупности конституционных законов, или (и) в совокупности конкретизирующих основной закон актов. Во всяком случае конституционализм прослеживается по линии проявления нормативной воли легитимных субъектов. Кстати, не обязательно органов государства.

Вторым по значению и распространенности в современной юридической науке является социологическое понимание права. Право содержится не только и не столько в нормативных актах, сколько в общественных отношениях и, в частности, в индивидуальных актах, опосредующих эти отношения. Право — инструмент разрешения конфликтных ситуаций, решения судей и административных властей; право — инструмент возложения негативных и позитивных санкций. Конституция и конституционализм рассматриваются здесь в аспекте соотношения и борьбы политических сил. Наиболее приемлемой оказывается позиция Ф. Лассалья, у которого действительная конституция представляет собой фактическое соотношение сил в обществе (король с его войском, дворянство, промышленники и банкиры с их капиталами, мелкая буржуазия, рабочие и плюс к тому «общая культурность, общее развитие являются также частью конституции»)¹⁰. Лассалевская

¹⁰ Это образец социологического взгляда Ф. Лассалья на сущность конституции (см.: Лассаль Ф. О сущности конституции).

позиция о различии фактической и писаной конституций наглядно и не один раз подтверждалась на практике, в том числе в России¹¹. *Фактическая конституция базируется и реализуется на реальном материальном соотношении противоборствующих политических сил, а рукотворный текст конституции — на силе пронизывающей его идеологии. Идеология конституции — ценностная составляющая текста в целом и каждой нормы в отдельности.*

туции. Речь, произнесенная в одном берлинском бюргерском окружном собрании в 1862 году. СПб., 1906).

¹¹ В период разработки Конституции РСФСР в апреле 1918 г. при обсуждении Комиссией ВЦИК двух альтернативных проектов В. И. Ленин поддержал позицию И. В. Сталина, который отстаивал федерацию на основе национально-территориальной автономии. С перевесом голосов 5 против 3 этот подход одолел проект члена комиссии М. А. Рейснера, предлагавшего областную автономию с игнорированием национального фактора. В сентябре 1922 г., накануне образования СССР, В. И. Ленин демонстрирует совершенно иной подход к пониманию федерализма, делая акцент на федерации договорного типа. Он вступает в полемику с И. В. Сталиным и добивается образования СССР как договорной федерации. Но в силу вступил не рукотворный текст в том или ином варианте, а реальная конституция, отражающая фактически во многом унитарное государственное устройство СССР. И более близкий пример: действующая Конституция России явилась плодом того соотношения политических сил, которое сложилось после расстрела парламента в 1993 г. и сокрушения коммунистической идеологии. Таким образом, и на перспективу остается актуальным заключительный вывод знаменитой лассалевской речи: вопрос о конституции есть прежде всего вопрос силы, а не права; действительная конституция представляет собой действительные соотношения общественных сил страны; писаная конституция только тогда имеет значение и долговечность, когда является точным отражением этого соотношения.

Конституция в конечном счете — это та реальная сила, которая обеспечивает суверенное функционирование государства в целом, самостоятельную работу всех частей государственного механизма и конкретных органов. Так, может вдруг обнаружиться, что в конституции главной материальной силой окажутся (вспомним Александра III) армия и флот, а основной идеологической силой — то или другое (правовое или неправовое) представление о государственной власти.

Крайнее крыло социологического представления о праве, правовой реализм, открыто и последовательно противопоставляет себя нормативизму, и это обстоятельство обуславливает его поворот к психологизму, к поиску решений в судебных и других спорах не вовне, не за пределами человеческой психики, не за пределами воли правоприменителя, а внутри ее. Психологические теории права — самоценностная основа для характеристики конституционализма. Конституции здесь представляются не в виде тех или других текстов и не в виде отношений, реализующих эти тексты, а в виде совокупности переживаний того, как организована и должна быть организована власть. Конституция вырисовывается в результате вычленения основных элементов индивидуального и общественного правосознания, определяющих поведение социума. Конституционализм упирается здесь в императивно-атрибутивные эмоции (Л. Петражицкий) участников общественных отношений.

Каждое из названных направлений осмысления права имеет свои ответвления, свои школы, вбирающие подходы других направлений, имеющие некие заимствования применительно к условиям места и времени своего развития. Другими словами, есть предмет для выяснения нюансов. Но в последние годы сформировалось особое направление правовой мысли, именуемое пост-модернистским, которое, как можно

понять, полностью отвергает все другие. Или, напротив, соединяет все другие, демонтируя их содержательные части, представляя конституцию лишь в качестве символа¹².

Постмодернизм в праве явился объектом специальных исследований ряда ученых¹³. «Конек» постмодернизма — критика современности, метод деконструкции и в отношении объекта исследования, и в отношении исследователя. Какой-либо позитивной программы он не предлагает. Как заметил И. Л. Честнов, «главными проявлениями (символами) постмодерна... являются релятивизм как своеобразный взгляд на мир (и метод восприятия), отказ от истины как в научном познании, так и практической сфере, а также новое представление о социальной реальности»¹⁴. В философской и культурологической литературе отмечено, что постмодернизму свойственно все принимаемое за действительность считать не чем иным, как представлением о ней, зависящим от точки зрения, которую выбирает наблюдатель и смена которой ведет к кардинальному изменению представления. Таким образом, восприятие человека объявляется обреченным на «мультиперспективизм»: на постоянно и калейдоскопически меняющийся ряд ракурсов действительности, в своем мелькании не дающих возможность познать ее сущность¹⁵.

¹² См.: Медушевский А. Н. Конституция как символ и инструмент консолидации гражданского общества // *Общественные науки и современность*. 2013. № 3.

¹³ См., например: *Постклассическая онтология права: монография* / под ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016.

¹⁴ Честнов И. Л. *Постклассическое право-понимание: монография*. Краснодар, 2010. С. 18.

¹⁵ «Столь же отрицательно они относятся к идее “роста”, или “прогресса”, в области научных знаний, а также к проблеме социально-исторического развития. Сам принцип рациональности постструктуралисты считают проявлением “империализма рассудка”,

Попытка наиболее развернутой содержательной критики постмодернизма в редакции И. Л. Честнова даётся в недавней статье В. М. Сырых¹⁶. Последний, как известно, остается пропагандистом марксистских позиций, в то время как постмодернизм решительно уходит от зависимостей, обусловленных экономическими и политическими институтами. Заметим, что такое стремление всегда было свойственно идеологам власти крупного капитала, а постмодернизм отличается в сокрытии интересов властвующих лишь откровенным отвержением классической методологии поиска истины, сокрушением всего наработанного инструментария. И нельзя не замечать, что постмодернизм имеет своих убежденных сторонников и массу сочувствующих этой теории, особенно в критике реалий классической жизни и ее методологии. Более того, при ближайшем рассмотрении совсем не кажется

якобы ограничивающим спонтанность работы мысли и воображения, и черпают свое вдохновение в бессознательном. Отсюда проистекает и то явление, которое исследователи называют “болезненно патологической завроженностью” иррационализмом, неприятием целостности и пристрастием ко всему нестабильному, противоречивому, фрагментарному и случайному. Постструктурализм утверждает принцип “методологического сомнения” по отношению ко всем позитивным истинам, установкам и убеждениям, существовавшим и существующим в западном обществе и применяющимся якобы для его “легитимации”, т. е. самооправдания и узаконивания. В самом общем плане теория постструктурализма — это выражение философского релятивизма и скептицизма, “эпистемологического сомнения”, являющегося по своей сути теоретической реакцией на позитивистские представления о природе человеческого знания» (*Ильин И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 6—7).

¹⁶ См.: Сырых В. М. Постмодернизм в теории права — пустоцвет на живом древе юридического знания // *Российская юстиция*. 2022. № 12. С. 43—52.

странным «вывод о том, что постмодерн определяет особенности современной эпохи» (В. М. Сырых). Все больше свидетельств того, что «мир сходит с ума» в части сохранения мира, в решении глобализации экономики, в обеспечении прав и свобод личности, в защите природной среды и т. д.¹⁷ Как представляется, негатив современной жизни не в последнюю очередь связан именно с разрушением классических естественных форм, с забвением классических научных истин, с вхождением в жизнь супермодернового оккультизма. Мы действительно уже работаем в контексте модернистских принципов, не понимая истинных целей и негативных последствий этого.

«Ключевым принципом постмодернистской юриспруденции является релятивность права... Ситуации постмодерна характерны также контекстуальность, антифундаментализм, знаковость (символичность) и мифологичность»¹⁸. Новая методологическая база понимания текстов права позволяет объединять возможности феноменологии, психоанализа и герменевтики, когда понимание — это всегда достойное конкретной рефлексии субъекта, не озабоченной причинными связями внешнего мира¹⁹.

¹⁷ Так, пример с реализацией минских соглашений вскрывает всю опасность рассматриваемой методологии. Подлинные причины украинского кризиса не вскрывались, за истины принимались взгляды одного и другого руководителя, меняющиеся подходы западных экспертов. Хаос мирной жизни то ли в результате «управления» им, то ли вопреки управлению перешел в хаос жизни военной. В этом хаосе право в его классическом понимании бессильно. Международные соглашения не исполняются. Работают модернистские нарративы.

¹⁸ Честнов И. Л. Поминки по постмодернизму, или Здравствуй, постклассика? // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 35.

¹⁹ См.: Байтеева М. В. Проблемы понимания права с позиций феноменологической

Отвергая причинность, постмодерн фактически уходит от реалий вообще. В постмодерне и законодатель, и воля его суть фикции. Для такой «реалистической» теории «не могут обрести ни малейшей доли научности» и все высказывания, касающиеся «конституции», «законов», «указов» или иных общих и абстрактных норм²⁰. Постмодернизм сопровождается либерализацией и, соответственно, крушением признанных цивилизационных ценностей²¹.

Казалось бы, постмодернистский подход исключает всестороннюю характеристику конституционализма. Но это не совсем так. Практически, как и всякое явление, на-

герменевтики // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 147, 149.

²⁰ См.: Пфферсманн О. Против юридического неореализма. По поводу спора о толковании // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 228.

²¹ «"Либерализм" с приставкой нео- в принципе исключает такие понятия, как государство, государственный суверенитет, государственная территория и государственные границы. Востребуются универсалистские евроцентричные и андроцентричные метанарративы истории и прогресса. Неолиберализм, если рассматривать его в собственно идейной, теоретической ипостаси, во главу угла ставит абстрактного человеческого индивидуума как носителя определенных, "естественных", или "неотчуждаемых" прав и свобод; государство же, понимаемое им лишь как одна из статей "общественного договора", имеет производный и второстепенный характер. Обесцениваются и другие традиционные формы социального контроля, которые удерживали общество от "атомизации", — прежде всего, классическая семья. В результате взламывается весь национальный правопорядок, основанный на принципе государственного суверенитета и верховенстве конституции» (Зорькин В. Человечество может выжить лишь в форме цивилизации права. 18.05.2021. URL: <https://alrf.ru/news/valeriy-zorkin-chelovechestvo-mozhet-vyzhit-lish-v-forme-tsivilizatsii-prava/>).

ходящее выражение в понятии, конституционализм и здесь (по отношению к другим направлениям это не вызывает сомнения) может рассматриваться узко и широко. Широко, когда связываем его вообще с хаосом; узко, если связываем с управляемым хаосом. Все, что охватывается понятием хаоса, особенно средствами управления хаосом в организации и функционировании власти, может рассматриваться в качестве конституции и конституционализма (в этой теории они нераздельны) постмодернистского общества. Практический смысл, прагматическое служение праву усмотреть сложно, разве лишь в текстологических манипуляциях и интерпретационных вариациях правоприменительных решений.

Прагматика конституционализма более всего проявляется в содержательной его части. Отсюда внимание акцентируется на узком понимании конституционализма и на понимании конституции в качестве легитимно подготовленного текста. Но содержательная часть видится по-разному. Придется согласиться, что мы отчасти были жертвами наших романтических представлений о том, что такое конституция и конституционализм. Мы полагали, что конституционализм — это умение закрепить как можно больше свобод. В части прописывания всякого рода свобод, прав, гарантий российская конституция не имеет себе равных. «Но жизнь показала, что вообще-то исторически Конституция — это не совсем об этом. Конституция — это не о том, сколько у тебя прав, и вообще во многих демократических странах мира, собственно говоря, не так многословно расписаны права и свободы общества и отдельного человека. А Конституция — это о том, как ограничить Левиафана, как ограничить этого страшного монстра. Потому что, что бы ты ни написал, если подрастет этот монстр под названием государство, Левиафан, он съест все, что ты на-

писал вместе с тобой. И поэтому конституционализм, в конечном счете, примитивно и прагматично сводится к задаче: как ослабить государство? Вот так цинично: как ослабить государство? Как сделать государство относительно сильным. То есть достаточно сильным, чтобы оно подерживало в обществе порядок, но недостаточно сильным, чтобы оно было в состоянии сожрать это общество»²². Да, мне приходилось цитировать классиков марксизма, которые указывали на периоды относительной самостоятельности государства, когда оно служит собственным интересам за счет интересов тех, кого оно должно представлять²³. Тогда на Левиафана надо набрасывать намордник. Но были и другие времена, были и другие государства, когда этого делать не следовало. Общей позиции в этом вопросе нет, и, как представляется, не только государственная власть нуждается в конституционном ограничении.

Необходимость власти, властного начала в организации общественной жизни общепризнана. Анархистские идеи если и получают какое-то признание, то только как реакция на непомерное возвышение государственной власти (на государственный произвол). В принципе ограничение ее оправдано, как и разумное ограничение любой другой власти²⁴.

²² Особое мнение. 14.07.2020. Владимир Пастухов. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/3646573>.

²³ См.: Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. 2-е изд. М., 1996. С. 85—98.

²⁴ Важно с научной точки зрения подчеркнуть нечто «звериное» в обществе, которому противостоит «цивилизованное» в лице государства («...и чтоб не стать под стать волкам, герр Пуффендорф и Федер нам подносят как лекарство — сплотитесь в государство». Ф. Шиллер). Разумеется, мы знаем как по жизни все менялось с точностью до наоборот. Революции поглотили не одно государство. Государство — дитя общества. Но, глядя на картины Гойи и Рубенса, мы содро-

Полагаю в этом отношении односторонней укоренившуюся позицию, согласно которой именно в ограничении государственной власти состоит цель любой конституции. Отвлекаясь от национального конституционализма различных стран, рискую, с учетом исторического опыта конституционного развития, констатировать необходимость пересмотра данной концепции. Для конституций XVIII в. это не вызывало сомнений. Но в условиях XXI в. конституционные нормы должны ограничивать общество и его институты не в меньшей степени, чем государство. В то же время конституция всегда призвана содержательно открывать возможности для государственных и общественных институтов осуществлять позитивную деятельность в интересах людей.

Долгое время по отношению к власти коренным вопросом остается вопрос: делить ее или не делить? Между тем с позиций общей теории государства он ставится не вполне корректно. Власть можно делить между силами, которые боролись за нее и овладели ей. Например, по первой российской Конституции власть делилась между классом рабочих и классом крестьян (нормы представительства в представительных органах были разные).

В качестве общего вывода можно сказать, что конституционализм как идея, а затем как практика развивался из потребности *процессуальной опосредования организации и деятельности существующей власти*. Связать (ограничить) власть — одна из целей, но не единственная и, как оказалось, не самая главная. Надо дать возможности для свободного и творческого осуществле-

гаемся от того, как властитель по-звериному, боясь потери власти, пожирает своих детей. Поэтому остается надеяться на естественные усилия по-умному, рационально и прагматически ограничивать всякую власть (общественную или (и) государственную) в интересах правового порядка.

ния власти. Любой, не только государственной. Вопрос решается не от того, какая власть, государственная или общественная, а от того, принесет она вред или пользу.

Другой общий вывод также вытекает из сказанного. Конституция государства не сводится к документу, к текстуальному оформлению государственного устройства. По своей сущности конституция фиксирует сложившееся соотношение социальных сил, претендующих на политическое господство. Поскольку в силу объективных и субъективных условий данное соотношение закономерно меняется, никакая писанная конституция не может выполнять названную функцию без изменения ее текста. Иногда изменения связаны с внесением текста, который уже содержится в обыкновенных законах. Внесением его в писанную конституцию меняется юридическая сила содержащихся в тексте положений. Такая практика позволяет сделать вывод о том, что конституционализм является принципиально более весомой категорией, нежели формальное текстуальное отражение. Сегодня с полным основанием можно констатировать, что отношения между людьми так или иначе, но всегда в сфере правового регулирования. При этом время от времени появляется потребность в очередной текстуальной конституционализации какой-то их части. Например, в процессе работы над Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» на конституционный уровень были подняты нормы о социальных гарантиях граждан. Во всех подобных случаях правильное решение вопросов требует понимания общетеоретической проблемы сферы и пределов правового регулирования. В приведенном примере потребовался учет текущей политической и правовой ситуации. Но есть

вопросы конституционализации общественных отношений стратегического плана (на относительно длительную перспективу). Некоторые из них становятся предметом острой полемики, как, например, вопросы голосования на президентских выборах в США или обнуления президентских сроков в России. Писанные конституции с течением времени становятся пробельными. Поэтому одно дело говорить о пробелах в конституции вообще (с точки зрения теоретика, с точки зрения того, какой конституция по общему правилу должна быть) и другое — анализировать на предмет пробельности, противоречивости или неясности реальную (данную) писаную конституцию, которая, может быть, и названия такого не заслуживает. Что бы ни говорили, Конституция Российской Федерации все-таки заслуженно претендует на роль Основного закона России²⁵.

Таким образом, можно заключить об *интегративном понимании кон-*

ституционализма, обусловленном широким пониманием конституции в тройном аспекте: как реального соотношения политических сил, как представления о необходимой организации власти, как письменного текста.

По словам В. Д. Зорькина, «Конституция, если она рассматривается в качестве единого писаного акта, становится своего рода квинтэссенцией позитивной нормы. Однако парадокс заключается в том, что конституция в своем реальном действии всегда будет отражать представления о должном и справедливом в конкретном обществе. И тем самым в ее тексте, во всяком случае, имплицитно, будет содержаться представление об идеальном метаправе, которое не всегда будет совпадать с позитивным правом»²⁶. И далее ученый полагает, что действующий текст Конституции РФ включает достижения правовой мысли, ценности многонационального народа, разделяемые им на протяжении истории общежития, историческую память. Выраженная в конституции историческая идентичность многонационального российского народа, соединенного в государство, всегда присутствовала в конституционных текстах нашей страны, вплоть до обновленной версии Конституции в результате внесенных в нее изменений в 2020 г.

Но еще более значимо то обстоятельство, что историческая конституционная идентичность не сводится к конституционным текстам. Тексты были разные, и, хотя формализованное легистское восприятие конституции (как основного закона) имело при известных условиях первостепенное значение, хотя фактические отношения, отражающие реальное соотношение политических сил, были по своей природе едва ли не противоположными, да и переживались они в сознании и подсознании отдельных индиви-

²⁵ Довольно распространенным среди конституционалистов является отрицание пробелов в конституции. С ними можно согласиться, если конституцию рассматривать как фактическое соотношение политических сил, как определенную часть правосознания и т. п. Но невозможно отрицать пробелы в конституции, понимаемой в виде текстов. Пробел в конституции — отсутствие нормы или неполнота норм в основном законе государства. Пробел в нормативно-правовом конституционном регулировании — отсутствие норм в конституции, нет нормы в других конституционно-правовых актах. Конституционный пробел — отсутствие решения конституционного суда по конституционному вопросу прецедентного значения. Практическая ценность категории конституционализма рельефно обнажается в случае преодоления пробела (нет нормы в конституции, нет нормы в других конституционно-правовых актах, нет конституционного обычая, нет конституционного прецедента). Приходится руководствоваться тем, что доктринально вкладывается в понятие «конституционализм».

²⁶ Зорькин В. Человечество может выжить лишь в форме цивилизации права ...

дов и их общностей по-разному, историческая память жила и продолжала оказывать основополагающее влияние в поворотные этапы развития страны.

Независимо от того, подходим ли мы к оценке конституции и конституционной деятельности с легистских позиций или придерживаемся социологических взглядов, обращение к исторической идентичности многонационального российского народа ставит в центр этих оценок институт (явление) демократии.

Сегодня просматриваются более трезвые взгляды на демократические формы правления и демократический политический режим²⁷. В научном их анализе все более востребованными оказываются позиции мыслителей Древнего (Сократ, Платон) и Нового (Токвиль) мира, которые констатировали отрицательные свойства демократического образа государственного устройства. И, как нам представляется, конституция — это не о том, как расцветить фасад государственного здания, *конституция — это о том, какую эффективную власть учредить и какие властные полномочия дать ее органам для наиболее полномочного осуществления интересов государствообразующего (государствообразующих) народа.*

Данная характеристика конституции не исключает ту, которая видит цели конституции и конституционализма в ограничении государства. Но исторически задача была такая: поставить преграды государству там, где оно, вопреки естественному и общественному предназначению, в угоду интересу властвующих попирает права общества и его членов вместо того, чтобы их

защищать. Установление правовых пределов властному вмешательству государства в общественную жизнь остается актуальной задачей. Теория государства — ночного сторожа ушла в прошлое. На государство ложится обязанность обеспечивать благоденствие людей, и, следовательно, эта главная задача требует предоставления органам государства широких позитивных прерогатив. В таком ракурсе следует пропагандировать усиление государства, а не его ослабление²⁸.

Представляется, что для россиянина неприемлема постановка вопроса об ослаблении государства, как бы она ни звучала. Часто идея озвучивается через превознесение разделения властей, со ссылками на авторитет Ш. Л. Монтескье. Но если мы посмотрим, чем определяется «дух законов» по Монтескье, то убедимся, что разделение властей для России не соответствует ни культуре, ни традициям, ни тому многому другому, что обуславливает содержание и действие законов. Монтескье видел такую ситуацию применительно к государствам с большими территориями. И до настоящего времени в России менталитет иной: единство всех здоровых и легитимных сил — вот идеал. Россия всегда обретала свое величие в противостоянии расколам во власти. В принципе конституционализм как идея и затем как практика развивался из потребности процессуального опосредования организации и деятельности существующей власти. Связать (ограничить) власть — одна из целей, но не единственная и по большому счету, как оказалось, не самая главная. Надо дать возмож-

²⁷ «...мало кто задумывается о том, что на свете трудно найти более жесткий общественный строй, чем западная конституционная демократия, в которой граждане зажат в законы как в тиски» (Пастухов В. Б. Указ. соч. С. 174).

²⁸ Европейская концепция конституционализма изначально выстраивалась на том, чтобы «прижать» государство, ограничить его власть. В России, скорее, надежды возлагались на государство, а советская позиция как раз и состояла в том, чтобы сделать государство и право основным строителем нового общества.

ности для свободного и творческого осуществления власти. Любой, не только государственной. Вопрос решается не по тому, какая власть, государственная или общественная, а в зависимости от того, приносит она вред или пользу. Возможно, пора понять тех (соединиться с теми), кто в конституции видел программу, и сказать, что конституция — это здание (конструкция), позволяющее комфортно, свободно и безопасно, осуществлять жизненные функции человека и общества.

Как убеждаемся, во всяком взгляде на конституционализм есть своя истина. Эти истины вскрываются соответствующими теориями. Интегративные теории возникают на стыках двух, трех, многих других, каждая из которых искрится, каждая претендует вырваться вперед, но тем самым каждая из них сдерживает другую. В итоге, как в таблице Менделеева, образуются соединения, отражающие реальные процессы и состояния. Характеризуя современные технологические наложения тех и других режимов, резонно прийти к выводу о том, что в точке пересечения разных тенденций возникла новая жизненная ситуация, отражаемая очередной рациональной комбинируемой версией. Конституция и конституционализм — фактически всегда борьба определенных сил, а в теории — результат компромисса. Фиксация того и другого осуществляется принятием политико-правового документа в виде основного закона государства, именуемого конституцией.

С научной точки зрения ошибочны всякие выводы, в основе которых лежит одна теория. Поэтому нельзя, например, подвергать сомнению конституционализм в России на том лишь основании, что здесь не проводилась теория разделения властей. Конституционализм в России соответствовал тому правлению, которое народ до какого-то времени принимал. Абсолют-

ная монархия имела свои паллиативы, советский строй, вслед за Парижской коммуной, предложил новые формы (весьма действенные), и ни один из режимов не декларировал отказ применять конституционные принципы. Все конституционные проекты, а затем и тексты советских конституций имели своим содержанием реализацию классовых интересов, которые, как ни странно, остаются вне поля зрения современных исследователей. Последние готовы отождествлять конституционализм с либерализмом, с американским государственным устройством и т. д., а все остальное представлять как антипод конституционализму. Это отход от принципа историзма. В Ливии, например, конечно же не было американского конституционализма, но почему не признавать Джамахирию особой разновидностью конституционного устройства? Какая конституция набросила петлю на шею легитимного президента Ливийской республики? Нельзя не видеть, что многие конституции рождались в ожесточенной классовой войне и закрепляли ее итоги. Это объективная реалья, перед которой умолкают абстрактные принципы.

В системном обозрении различных теорий и практических подходов в разрешении жизненных ситуаций иногда проводят различие между интегративным и интегральным их объединением. Первое предполагает механическое соединение, а второе — взаимообусловленность и взаимопереход, своего рода диалог в стремлении к идентичности сконструированному образу. Конституционализм отвергает линейный арифметический взгляд. Как государственно-правовой институт конституционализм суть противоречивое единство нормативных и институциональных актов следования легитимному образу конституции.

Вне зависимости от того, как конституция и конституционализм представляются, институционально

или вербально, вне зависимости от понятийного оформления данных явлений главным интегративным смыслом конституционализма остается обеспечение его функционирования на началах высшей законности и справедливости. Главная ущербность конституционализма во все времена — недостаточная ресурсная обеспеченность, его значительная декларативность,

слабая санкционная поддержка. Непременными принципами конституционализма являются признание в качестве высшей конституционной силы субъекта, конструирующего постулаты конституционализма, нахождение соответствующей месту и времени формы объективации воли этого субъекта, законодательное закрепление средств проведения конституционной воли в жизнь.

Список литературы

- Баглай М. В., Туманов В. А. Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998.
- Байтеева М. В. Проблемы понимания права с позиций феноменологической герменевтики // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4.
- Бондарь Н. С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 1. М., 2012.
- Бондарь Н. С. Современный российский конституционализм: философское осмысление в свете конституционного правосудия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4.
- Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 7. М., 2017.
- Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. М., 2021.
- Графский В. Г. Конституция и конституционализм в междисциплинарном восприятии (история и современность) // Философия права и конституционализм (материалы четвертых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца. Москва, 2 октября 2009 г.). М., 2010.
- Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011.
- Зорькин В. Д. Конституция и права человека в XXI веке: к 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. М., 2008.
- Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд. М., 2008.
- Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке: Взгляд с Ильинки. М., 2007.
- Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
- Лассаль Ф. О сущности конституции. Речь, произнесенная в одном берлинском бюргерском окружном собрании в 1862 году. СПб., 1906.
- Медушевский А. Н. Глобальный конституционализм — теория нового мирового правового порядка или новая политическая идеология? // Historia Provinciae — Журнал региональной истории. 2020. Т. 4. № 3.
- Медушевский А. Н. Конституция как символ и инструмент консолидации гражданского общества // Общественные науки и современность. 2013. № 3.
- Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. 2-е изд. М., 1996.
- Пастухов В. Б. Революция и конституция в посткоммунистической России. Государство диктатуры люмпен-пролетариата. М., 2018.
- Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016.
- Пферсманн О. Против юридического неореализма. По поводу спора о толковании // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4.
- Сырых В. М. Постмодернизм в теории права — пустоцвет на живом древе юридического знания // Российская юстиция. 2022. № 12.
- Хабриева Т. Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. М., 2019.
- Честнов И. Л. Поминки по постмодернизму, или Здравствуй, постклассика? // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4.
- Честнов И. Л. Постклассическое правопонимание: монография. Краснодар, 2010.

References

- Baglay M. V., Tumanov V. A. *The Small Encyclopedia of Constitutional Law*. Moscow, 1998. (In Russ.)
- Bayteeva M. V. Problems of Understanding Law from the Standpoint of Phenomenological Hermeneutics. *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava*, 2011, no. 4. (In Russ.)
- Bondar N. S. *Economic Constitutionalism in Russia: Essays on Theory and Practice*. Series "Library of Judicial Constitutionalism". Iss. 7. Moscow, 2017. (In Russ.)
- Bondar N. S. *Judicial Constitutionalism: Doctrine and Practice*. Moscow, 2021. (In Russ.)
- Bondar N. S. Modern Russian Constitutionalism: Philosophical Conceptualisation in Light of Constitutional Justice. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2012, no. 4. (In Russ.)
- Bondar N. S. *Russian Judicial Constitutionalism: Introduction to Research Methodology*. Series "Library of Judicial Constitutionalism". Iss. 1. Moscow, 2012. (In Russ.)
- Chestnov I. L. (ed.). *Postclassical Ontology of Law*. St. Petersburg, 2016. (In Russ.)
- Chestnov I. L. *Postclassical Legal Understanding*. Krasnodar, 2010. (In Russ.)
- Chestnov I. L. Wake of Postmodernism, or Hello, Postclassic? *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava*, 2011, no. 4. (In Russ.)
- Grafskiy V. G. Constitution and Constitutionalism in Interdisciplinary Perception (History and Modernity). *Philosophy of Law and Constitutionalism (Materials of the Fourth Philosophical and Legal Readings in Memory of Academician V. S. Nersesyants. Moscow, October 2, 2009)*. Moscow, 2010. (In Russ.)
- Il'in I. P. *Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism*. Moscow, 1996. (In Russ.)
- Khabrieva T. Y. *Interpretation of the Constitution of the Russian Federation: Theory and Practice*. Moscow, 2019. (In Russ.)
- Lassalle F. *On the Essence of the Constitution. Speech Delivered in a Berlin Burgher District Meeting in 1862*. St. Petersburg, 1906. (In Russ.)
- Lazarev V. V. (ed.). *The General Theory of Law and State*. 2nd ed. Moscow, 1996. (In Russ.)
- Medushevskiy A. N. Global Constitutionalism — the Theory of a New World Legal Order or a New Political Ideology? *Historia Provinciae — Zhurnal regional'noy istorii*, 2020, vol. 4, no. 3. (In Russ.)
- Medushevskiy A. N. The Constitution as a Symbol and Tool for the Consolidation of Civil Society. *Obshchestvennye nauki i sovremenost'*, 2013, no. 3. (In Russ.)
- Pastukhov V. B. *Revolution and Constitution in Post-Communist Russia. State of the Dictatorship of the Lumpen Proletariat*. Moscow, 2018. (In Russ.)
- Pfersmann O. Against the Legal Neo-Realism. Concerning the Dispute over Interpretation. *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava*, 2011, no. 4. (In Russ.)
- Sryykh V. M. Postmodernism in Legal Theory is an Empty Flower on the Living Tree of Legal Knowledge. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2022, no. 12. (In Russ.)
- Zorkin V. D. *Russia and the Constitution in the 21st century*. 2nd ed. Moscow, 2008. (In Russ.)
- Zorkin V. D. *Russia and the Constitution in the 21st century: View from Ilyinka*. Moscow, 2007. (In Russ.)
- Zorkin V. D. *The Constitution and Human Rights in the 21st Century: On the 15th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation and the 60th Anniversary of the Universal Declaration of Human Rights*. Moscow, 2008. (In Russ.)
- Zorkin V. D. *The Constitutional and legal development of Russia*. Moscow, 2011. (In Russ.)

Информация об авторе

В. В. Лазарев, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор

Information about the author

V. V. Lazarev, Dr. Sci. (Law), Prof., Chief Researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Поступила в редакцию 07.03.2023

Received 07.03.2023

Одобрена после рецензирования 15.03.2023

Revised 15.03.2023

Принята к публикации 06.04.2023

Accepted 06.04.2023